



А. АЛЕКСАНДРОВ (М. С. ОЛЬМИНСКИЙ)

В. Ключевский

Теперь нам предстоит рассмотреть взгляды на «государство» проф. В. Ключевского. На них следует остановиться подробнее как в виду особой, заслуженной авторитетности этого историка, так и потому, что он дал наиболее яркую и цельную характеристику политических отношений в России XVII века*.

История, как она излагается В. Ключевским, ушла далеко вперед от истории, излагаемой, например, А. Романовичем-Славатинским¹. В изложении Ключевского мы видим, как постепенно складывается на востоке Европы, на почве экономических нужд и форм хозяйства, обширное классовое государство Российское. В. Ключевский в своем изложении фактов умеет отделять «государя» от «государства». И пока речь идет собственно о выяснении и изложении фактов, до тех пор можно оставаться только признательным нашему историку за его работу. К сожалению, совсем иначе приходится отнестись к его попыткам дать политическое освещение событий: здесь В. Ключевский разделяет общую судьбу нераскаянных и кающихся дворян: он поддерживает теории, придуманные когда-то крепостниками-помещиками для оправдания крепостного права, и не выдерживающие, по выражению Ю. Ф. Самарина², самой поверхностной критики.

Проф. В. Ключевский исходит из признания наличности и надклассового «государства», и факта «закрепощения дворян государству».

Благодаря этому он, проф. В. Ключевский, нередко высказывает суждения, не выдерживающие самой поверхностной критики проф. В. Ключевского.

* Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. М., 1908. В дальнейшем цифры в скобках означают страницы этого тома «Курса».

Проф. В. Ключевский хорошо показывает, как слагалось, росло, изменялось и развивалось государство в силу экономических потребностей, на основе борьбы классов. И рядом с этим у него первенствующую роль играют понятия населения о государстве, религии, нации и т. п. Он может показать, как хозяйственные потребности (ввоза и вывоза) стихийно ведут Россию к сближению с Западом, и в то же время считать, что идеальные течения в русской жизни порождены не внутренними потребностями, а «влияниями», в частности западным (335), и что общественная жизнь «направляется» «темной, тяжелой и пустой» государственной деятельностью.

О государстве у В. Ключевского понятия довольно разнообразные. Он говорит, например, что «великорусская ветвь» сомкнулась в государство, и видит дефект московской политической мысли в том, что она принимала государство не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство: формы государственные складывались стихийно, понятия отставали (16). По понятию В. Ключевского, необходимыми элементами государства, принимая простейшее его определение, являются верховная власть, народ, закон и общее благо (15). Не станем говорить о том, насколько это определение удачно. Посмотрим, удерживает ли его сам В. Ключевский. Сплошь и рядом у него государственная деятельность отождествляется с правительственною, государственные нужды — с правительственными нуждами, государство — с правительством. Но и на этом дело не останавливается. Мы знаем, что дворяне были «закрепощены государству»; но «под недостойными преемниками и преемницами Преобразователя Престол заколебался и искал опоры в обществе, прежде всего в дворянстве... дворянство эмансириуется, снимает с себя тягчайшую повинность обязательной службы» (13). В XVIII веке «дворянство само пытается править обществом посредством правительства» (16). И вся беда — в недостойных преемниках! «Государство», «закрепощавшее дворян», через посредство понятия правительства, сведено к личности правителя. Обычная история!

Кстати о недостойных преемниках и преемницах Петра. Не знаю, за что, с какой точки зрения и кого именно из них считает В. Ключевский недостойными. Но один признак недостойности, по-видимому, ясен: это — слабость Престола, искашение опоры в обществе, прежде всего в дворянстве. С этой точки зрения в XVIII веке все преемники и преемницы Петра I были недостойны, кроме Петра III и Павла I, плохо искавших опоры в дворянстве.

Но от В. Ключевского мы знаем, что и все предшественники Петра с 1613 года были слабы, искали опоры в дворянстве и т. д. Остается один Петр I. В. Ключевский, по-видимому, думает, что Петр I не искал опоры в дворянстве; сейчас не станем об этом спорить. Итак, вот правило: при «достойных» правителях дворянство закрепощено государству; а вот исключение: при недостойных — оно правит или пытается править государством через правительство. В течение XVII и XVIII веков «правило» действует при Петре I, исключение — все остальное время; правило — при одном царе, исключение — при десяти или более. Удивительное правило! Замечательные исключения! На самом деле, впрочем, и эпоха Петра I была исключением; а «правило» существует только в суждениях историков, свято чтущих крепостнические фикции или фантазии...

В. Ключевский, конечно, знает, что крепостное право на крестьян создалось стихийно, без предварительно задуманного плана, составленного кем бы то ни было; также стихийно была и раздача поместий. Но фикция «государства», закрепостиившего будто бы не только крестьян, но и дворян, вынуждает историка поставить вопросы: почему же не были точно определены государством повинности крестьян? как могло правительство «так доверчиво» подчинить частному интересу (при раздаче поместий) труд огромной массы населения, которым «питалось государство»? И В. Ключевский отвечает на первый вопрос: «Это была либо недоглядка, либо малодушная уступка небрежного законодательства интересам дворянства» (227). На второй вопрос: «Здесь недальноворкое правительство опиралось на наличное положение дел, созданное частью законодательством (чьим?), частью фактическими отношениями (какими?) прежнего времени» (236). Итак, всесильное государство, заскрепостиившее все классы, только тем и занимается, что недоглядывает за дворянами, малодушествует, уступает им, оказывается недальноворким, небрежным и т. д., — и это всякий раз, когда заходит речь об ограничении власти дворянства над крестьянами. Поистине фантастическое государство! Что же касается вообще ненаучности ссылок на недоглядку, малодушие и проч., — то об этом и говорить излишне.

Рассмотрим теперь отдельно и более подробно, по возможности, все отдельные случаи, когда В. Ключевскому приходится, для объяснения явления, говорить о «государстве», допускать фикцию или, если угодно, гипотезу надклассового государства. Посмотрим: выясняется ли что-нибудь этой гипотезой или же, наоборот, ею создается только лишняя путаница?

Централизация. После смуты, рассказывает В. Ключевский, правительство прежде всего хотело собраться с силами. Оно принялось централизовать управление. Вводятся повсеместно воеводы. Самоуправление областей стесняется, круг его действия суживается. «Централизация местного управления уронила земские учреждения, исказила их первоначальный характер, лишила их самостоятельности, не уменьшив их обязанностей и ответственности. Это была также одна из жертв, принесенных обществом государству (188–195). Упадком местных учреждений и закрепощением сословий «разбит был земский собор, служивший высшим органом участия местных сословных миров в законодательстве. Обе эти основные перемены вытекали из одного источника, из финансовых нужд государства; эти нужды были скрытой пружиной, направлявшей и административные, и социальные меры правительства... и заставившей принести столько жертв на счет общественного благоустройства и народного благосостояния» (274).

Жертвы государству! Жертвы общества, а не дворянства; жертвы на счет народного, а не дворянского благосостояния. Самоуправление посадских и крестьян сводится на нет, власть дворян (в лице воевод) растет. Посадские и крестьяне лишаются последней, минимальной легальной возможности влиять на центральную власть через соборы; центральная власть сосредоточивается в руках дворян. Не описка ли у В. Ключевского? Не хотел ли он сказать «жертвы дворянству», а сказалось случайно: жертвы государству?

Закрепощение дворян. «Повинностью служилых людей, землевладельцев была наследственная служба ратная и соединенная с нею придворная и административная; по степени ее важности и тяжести, соответствовавшей размерам землевладения и породе, служилый класс распадался на чины думные, служилые московские и городовые». (199). «Ратная служба стала наследственной, безысходной сословной повинностью служилых людей. Тогда же определились и специальные их сословные права как землевладельцев... Личное землевладение, вотчинное и поместное, стало теперь сословной привилегией служилого класса, как ратная служба осталась его специальной сословной повинностью». (203) «С установлением крепостной неволи крестьян дворянство, поглощая в себе боярство, стало на деле господствующим классом». Оно предпочло земским соборам непосредственное обращение к царю с коллективными челобитьями, причем «боярско-дворянские кружки, преемственно обследавшие престол слабых царей, облегчали этот путь». Столичное

купечество не было в силах отстоять соборы. «Земское представительство пало вследствие усиления централизации в управлении и государственного закрепощения сословий». (273). «Крепостное право делало самих душевладельцев холопами наличной власти... и врагами всякой власти иного направления» (241). Ровно через пять строк на той же странице читаем: «Землевладельческое дворянство как руководящий класс дало извращенное, уродливое направление всей русской культуре».

Безысходная сословная повинность и господствующий класс; холопы — руководящий класс. Редко случается видеть, чтобы автор так хорошо разбивал самого себя, как разбивает себя В. Ключевский. Желая в этом случав предоставить на долю проф. В. Ключевского всю честь опровержения взглядов проф. В. Ключевского, переходя к рассмотрению фактов, когда «государство» приходило, по-видимому, в столкновение с землевладельческим дворянством.

Бегство дворян в холопы. Бывали у нас и такие случаи: дворяне бегали в холопы. В 1622 году целая партия елецких помещиков бросила свои вотчины и ушла в казаки; потом эти помещики зачислились к боярам в холопы и в монастыри служками. При царе Михаиле наблюдалось массовое бегство в холопы дворянских братьев, детей, племянников. Указом 1642 года велено было взять таких дворян-холопов из боярских дворов на службу, если они имели поместья или вотчины и были уже зачислены в службу, а впредь запрещалось принимать в холопство всяких дворян и детей боярских (202). На первый взгляд, эти бегства будто подтверждают теории закрепощения дворян государству. Но отчасти у Ключевского же находим и объяснение факта, не нуждающееся в этой теории. Дело в том, что сословия не были резко разграничены; были и переходные ступени. «Между служилыми людьми и холопством кружился слой мелкопоместных или беспоместных детей боярских, которые то отбывали ратную службу со своих или отцовских поместий, то поступали холопами во дворы к боярам и другим служилым людям высших чинов, образуя особый слой боярских служилых людей» (200).

В холопы бежали мелкопоместные и беспоместные дворяне. Этим только подчеркивается классовый, землевладельческий, а не сословный характер государства. Аналогичный факт имеем в позднейшее время: безземельные дворяне и после 1785 года не входили в состав дворянских обществ, не имели голоса на дворянских собраниях. В указе 1642 года интересна и другая сторона: боярам запрещалось принимать к себе в холопы дворян и детей

боярских. Здесь «государство» как будто уже сталкивается с боярством. Но после всего, что мы уже знаем о господствующем руководящем положении землевладельческого класса, гораздо проще и естественнее видеть в этом запрещении, с одной стороны, и его нарушениях, с другой — столкновение между классовой организацией и отдельными представителями класса. Всякая организация налагает те или иные обязанности на своих членов; и внутри классовых организаций всегда находятся люди, готовые преследовать свои личные интересы, не считаясь с интересами классовыми. Тем больше должно было встречаться таких людей среди мало дисциплинированных, по самому своему положению, государей-бояр и государей-дворян. То, что обыкновенно принимают за борьбу «государства» с дворянами, на самом деле представляет собою не что иное, как столкновение центробежных и центростремительных тенденций внутри самого дворянства.

Тяглец и холоп. Как раз случай такого столкновения между частными и общеклассовыми интересами рассказал В. Ключевским на стр. 224. «Закон и помещик, — говорит он, — по-видимому, поддерживали друг друга в погоне за крестьянином. Но согласие было только наружное: обе стороны тянули в разных направлениях: государству нужен был усидчивый тяглец... а помещик искал пахотного холопа». Приходится возразить В. Ключевскому: если и тянули в разные стороны, то все же тянули в одной плоскости эксплуатации крестьянина. Только закон, в некоторых случаях, заботился о доходах общедворянских, а помещик — о своих личных. Тяглец составлял общую собственность класса, холоп — частную собственность отдельного землевладельца. Сманиванию тяглеца в холопы ставились препятствия как покушению на частицу общедворянской собственности.

Из поместья в вотчину. Правительство запрещало переводить крестьян из поместья в вотчину, потому что это «разоряло государственные имущества» (231). С равным правом мы можем сказать: «Потому что разоряло общедворянские имущества».

Помещик и казенный интерес. «Власть помещика встречала законную преграду только при столкновении с казенным интересом» (231). Но казенные интересы охранялись исключительно помещиками же, благополучие казны было благополучием помещиков, и государственная казна была, следовательно, помещичьей казной. Столкновение между казенным и помещичьим интересом опять-таки было не чем иным, как столкновением между частным интересом одного помещика и интересом общепомещичьим.

Организация была сильнее отдельной личности, и потому власть помещика встречала «законную преграду».

Обложение крепостных крестьян. Мы видели, почему общедворянская организация препятствовала произвольным переводам тяглецов в холопы. Но и крепостные крестьяне не были освобождены от тягла. Помещик должен был отвечать за податную исправность своих крестьян. «Это делало землевладельца даровым инспектором крепостного труда и ответственным сборщиком казенных податей со своих крестьян... Частное землевладение стало рассеянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственного казначейства, из его соперника превратилось в его сотрудника» (237–238). Соперниками они не могли быть, как мы только что видели. Но и идеалы «сотрудничества» не могло наступить: ведь повинности крестьян помещику не были ограничены; что давал крестьянин в казну, того не давал помещику. Фактически, следовательно, был обложен помещик по числу своих крестьян. И конечно, он не всегда охотно «сотрудничал». При первой возможности помещики должны были принять меры к ограничению своих взносов в общепомещичью казну. Это и случилось. В 1679 году, например, полоняничные и ямские деньги были слиты в одну подать, причем по ее распределении дворцовые и владельческие крестьяне подверглись обложению в 8–16 раз меньшему, по сравнению с обложением посадского населения и черных (не крепостных) крестьян. Проф. В. Ключевский с наивной грустью замечает: «Из этого видно, какой громадный источник дохода уступила казна в безотчетное пользование владельцев крепостных крестьян. Так и финансовая политика следовала общему плану сословной розни» (296–297). Почтенный профессор не замечает того, что тут не какая-то наддворянская казна уступила дворянам, а дворяне «уступили» самим себе, так как они были, по его же признанию, господствующим и руководящим классом; не замечает вследствие того, что видит рознь и не хочет видеть содержания этой розни — господства одного класса над другими.

Запрещение закладничества. Закладничество несколько отличалось от холопства. В XVII веке оно стало быстро расти, причем закладчики не платили государственных повинностей. Закладничество было выгодно отдельным боярам, но наносило ущерб общедворянской казне. Понятно, что дворянская государственная власть выступила против закладничества, которое «для многих бедных людей... было выходом из тяжелого хозяйственного положения... да и государство, воспрещая лицу частную зависимость, не оберегало в нем

человека или гражданина, а берегло для себя своего солдата или плательщика» (184–185). И здесь для объяснения действий правительства (государства, по выражению В. Ключевского) нет никакой надобности в фикции внеклассового государства. Закладничество — явление того же порядка, что и холопство, о котором говорено выше.

Западное влияние. Его источник — недовольство своей жизнью, затруднительное положение, «в котором очутилось московское правительство новой династии и которое отозвалось с большей или меньшей тягостью во всем обществе, во всех его классах. Затруднение состояло в невозможности справиться с насущными потребностями государства при наличных домашних средствах, какие давал существующий порядок, т. е. в сознании необходимости новой перестройки этого порядка, которая дала бы не достававшие государству средства... Западное влияние проводилось государством (правительством?) и призвано было первоначально для удовлетворения его материальных потребностей» (331 и 334). «Это влияние, насколько оно воспринималось и проводилось правительством, развивалось довольно последовательно, постепенно расширяя поле своего действия... Правительство стало обращаться к иноземцам за содействием прежде всего для удовлетворения наиболее насущных материальных своих потребностей, касавшихся обороны страны, военного дела, в чем особенно сильно чувствовалась отсталость» (339).

К этим рассуждениям нужны маленькие поправки. Правительство, говорит Ключевский, было в затруднительном положении, и это отозвалось на всех классах. Обыкновенно, как известно, бывает наоборот: затруднительное положение всех классов отзывается на правительстве. Мы знаем, что торговые сношения с Западом начались раньше XVII века, — и естественно, что они росли. Сближение с Западом диктовалось не только потребностями правительства, но и интересами частного хозяйства, — и прежде всего крупного землевладельческого. Интерес правительства развивался не обособленно от частных интересов господствующего класса, а параллельно с ними. У правительства на первом плане был интерес военный, — но ведь это же был и самый насущный, самый непосредственный интерес дворянства. Как сословие ратное, оно в первую голову страдало от военных поражений. Затем важнейшим интересом дворян было облегчить себя в деле самозащиты («ратной службы»), а для этого нужна была и техника, и кассовая наличность на наем иностранцев или на набор солдат внутри страны. Интерес правительства или, как иногда выражается

В. Ключевский, — «государства» был совершенно тождествен с интересом дворянства. В вопросе о западном влиянии, как и в других вопросах, нет ни малейшей надобности прибегать к гипотезе надклассового государства.

Внешняя политика. Внешней политикой В. Ключевский мало занимается, но зато приписывает ей, — собственно внешним войнам, — очень большое влияние на внутреннее развитие России. Довольно указать, что тягостям войн с Польшей и Швецией он приписывает то обстоятельство, что в XVII веке «прежние добрые экономические состояния, чины, еще сохранившие признаки свободы труда и передвижения, в интересах казны и службы были сбиты в крупные сословия, а большая часть сельского населения попала в крепостную неволю» (12). Притом войны не были только оборонительными: «старая московская династия действовала наступательно» (113). В XVII веке войны «сами собою, незаметно, помимо воли московских политиков, превратились в наступательные, в прямое продолжение объединительной политики прежней династии» (115). «С Полтавы они получают наступательный характер» (12). Войну ведет государство с государством; из характеристики причин и следствий войны мы должны бы получить наиболее ясное представление о том, что же такое, наконец, надклассовое государство, закрепощающее все сословия. Мы и получили его: государство — это династия. После столь научного определения мы должны ожидать не менее научных определений причин и целей различных войн. Мы их и получаем от В. Ключевского. Причины, конечно, воля династии. А цели — восстановление «политического и национального единства всей русской земли» (11), «завершение политического объединения русской народности», «расширение государственной территории до пределов русской равнины» (114) и, наконец, «укрепление завоеванного Петром преобладания России в Восточной Европе» или «поддержание европейского равновесия, как элегантно выражались русские дипломаты» (12). В. Ключевский, по-видимому, и не подозревает, что такие цели, как национальное единство, завершение объединения народности или расширение до пределов равнины представляют собою не цели, а только «элегантные выражения» дипломатов и историков. Он забывает о таких менее элегантных целях, как желание дворян увеличить свои земельные владения «пожалованиями» в новозавоеванных областях, или потребность в лучших, чем Архангельскую гаванях для сбыта продуктов землевладельческого хозяйства и для приобретения изделий европейской промышленности. Трудно

было бы даже нарочно, доводя идею до абсурда, придумать такую форму полнейшего банкротства теории надклассового государства, какую придумал сам В. Ключевский, сводя государство к династии и приписывая такие фантастические внешние цели своему фантастическому государству.

Мы рассмотрели, мне кажется, все без исключения случаи, когда В. Ключевскому понадобилось, как он думает, прибегнуть к идее государства, противостоящего всем классам. Мы видели, что гипотеза такого государства решительно ничего не выясняет, а только запутывает вопросы. Мы знаем, как благодаря этой гипотезе В. Ключевскому приходится прибегать к таким ненаучным объяснениям социальных явлений, как ссылки на недоглядку, небрежность, малодушие, уступчивость, доверчивость или недальновидность правительства. К чему же нужна подобная гипотеза?

Мы знаем, к чему она нужна была крепостникам первой половины XIX века. Теперь же единственный резон ее существования — столетнее родословное древо. Кому угодно запутывать и затемнять историческое факты, тот может еще с сомнительным успехом прибегать под сень этого славного древа, которое кровно связано с идеологией крепостного права.

